

Николай Юрьевич Зограф

К 100-летию первой отечественной пресноводной биологической станции

Н. М. Коровчинский

Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР
Москва

МИНУЛ ВЕК со времени основания первой российской пресноводной биологической станции на оз. Глубоком в Подмоскowie. Ее судьба необычна: в отличие от других, со временем бесследно исчезнувших или неузнаваемо преобразившихся, она сумела в значительной мере сохранить свой первоначальный облик, и окружающая ее природная среда также осталась относительно нетронутой. Это редкий и драгоценный пример длительной сохранности культурно-природного целого.

Многое из сделанного здесь с полным правом можно отнести к классике естествознания, немало студентов, начинающих на станции свою научную биографию, стали впоследствии знаменитостями, прославившими нашу науку. Назовем хотя бы гидробиологов С. А. Зернова, В. С. Ивлева, Г. Г. Винберга, генетика А. С. Серебровского, эмбриолога Д. П. Филатова, микробиолога С. И. Кузнецова, морфолога и ихтиолога С. Г. Крыжановского. О большинстве из них написано и известно достаточно, но, как ни странно, об основателе станции Н. Ю. Зографе, чье имя еще в 1916 г. заслуженно присвоено ей и о ком в год юбилея полагалось бы вспомнить прежде всего, мы не знаем почти ничего.

Этот юбилей — хороший повод вспомнить и о том положении, которое в начале века занимала Россия по уровню развития науки. Ведь именно на рубеже XIX—XX вв. стали возникать подобные биостанции в наиболее развитых странах Европы и в США. Видимо, в ту пору идея организации биостанций — этих исследовательских лабораторий непосредственно в при-

Николай Юрьевич Зограф. Начало 1880-х годов.

роде — носилась, как говорится, в воздухе. Вслед за Глубоким озером появляются они и в других местах России, знаменуя собой существенный переворот в подходах и методах изучения живой природы.

Несмотря на очевидную важность этого периода развития отечественной науки о живой природе, сколько-нибудь цельное представление о нем отсутствует. В статье предпринята попытка хотя бы отчасти восполнить и этот пробел.

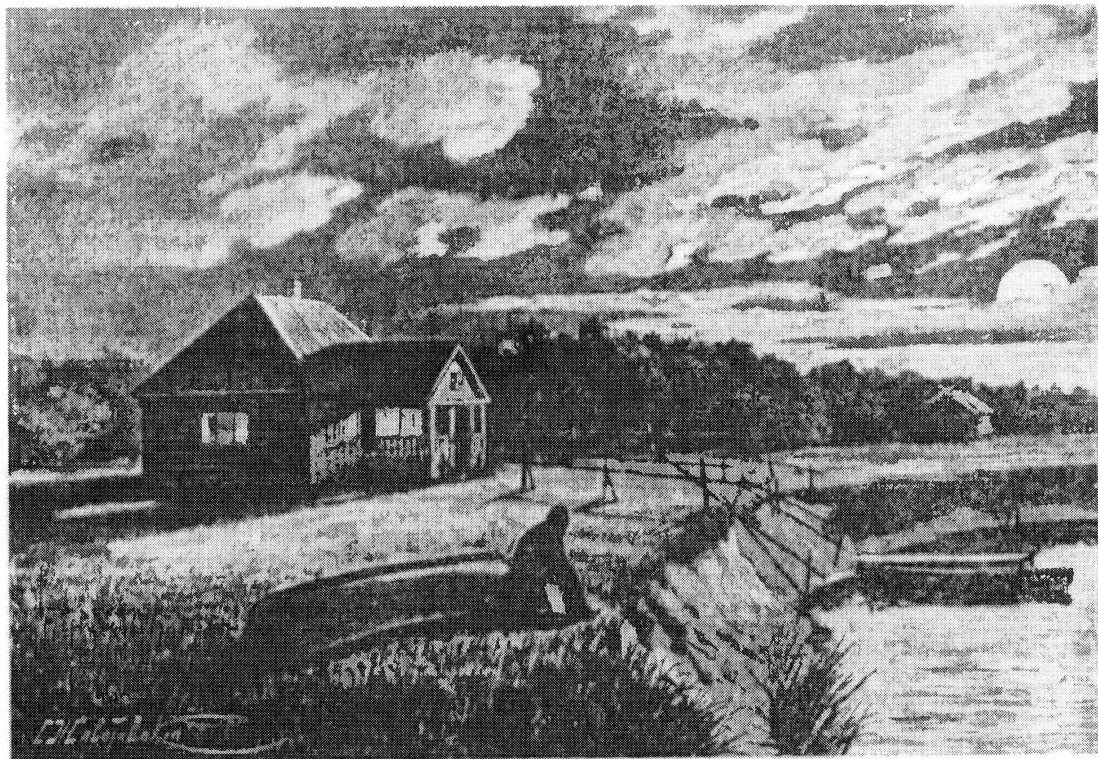
В протоколах заседания Отдела ихтиологии Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений от 26 февраля 1888 г. можно прочесть следующую краткую запись: «Председательствующий сделал сообщение о важности и необходимости исследования фауны подмосковных озер и

предложил с этой целью учредить летучую станцию»¹. Вероятно, этот момент можно расценивать как отправной для всего дальнейшего пути развития отечественных пресноводных станций.

Кто же был главным «виновником» этого события? Имя Николая Юрьевича Зографа, а именно он председательствовал на вышеупомянутом заседании, наверное, мало что скажет большинству современных биологов, не говоря уже о более широких кругах научной общественности. За последние десятилетия его иногда можно было встретить только в специальных и некоторых учебных изданиях, причем подчас упоминалось оно с определенным пренебрежением². Вместе с тем его портрет занимает почетное место среди прочих основателей биологического факультета МГУ, его имя присвоено старейшей отечественной пресноводной станции, солидный перечень его трудов есть в каталогах всех фундаментальных библиотек. Тем же, кто лучше знаком с его отдельными работами, наверное, может озадачить и другое: почему антрополог и этнограф занимается гидробиологией и ихтиологией, а зоолог и анатом раскапывает древние курганы и собирает материалы о жизни северных народов. Вероятно, все эти противоречивые впечатления можно слить в единый образ, только пристальнее проследив

¹ Труды Отдела ихтиологии Императорского Об-ва акклиматизации животных и растений. Т. 2. М., 1897. С. 3.

² См., например: Райков Б. Е. Русские биологически-эволюционисты до Дарвина. Т. 4. М., 1959. С. 320.

Станция на оз. Губоков. Гравюра 1890-х годов.

жизненный путь Николая Юрьевича Зографа³.

Он родился 9 мая 1851 г. в г. Любиме Ярославской губернии, где отец его Юрий Христофорович был судьей. В 10 лет Колю Зографа привозят в Москву, и в 1862 г. он поступает в 4-ю гимназию, которую оканчивает с серебряной медалью.

Дальнейшее образование он получал на отделении естественных наук физико-математического факультета Московского университета, где с первого же курса приступает к практическим занятиям по зоологии под руководством профессора А. П. Богданова. Из других известных учителей его можно назвать специалиста по сравнительной анатомии Я. А. Борзенкова и геолога Г. Е. Щуровского.

³ При подготовке статьи неоценимую помощь оказали неопубликованные рукописи воспоминаний внука Н. Ю. Зографа — З. Э. Беккер и И. Э. Виноградовой, а также жены его старшего сына О. Е. Зографа.

В 1872 г., окончив университет, Зограф работает препаратором в Зоологическом музее университета. Одной из основных обязанностей его было приведение в порядок и пополнение коллекции музея. В связи с этим в 1873—1874 гг. он сопровождает Богданова в длительной заграничной командировке, прежде всего в «святыи» для зоологов места — на знаменитые морские биологические станции в Виллафранке (Франция) и Неаполе, а также в Мессину (на о-ве Сицилия).

Но вскоре научные интересы молодого исследователя резко меняются. Учитель Зографа, основатель московской школы зоологов А. П. Богданов в 60—70-е годы увлекся антропологией, краниологией и этнографией. Благодаря его неуемной энергии и организаторскому таланту в Москве с блеском проходят этнографическая (1867 г.) и политехническая (1872 г.) выставки, а с 1875 г. начинается подготовка к антропологической. Готового материала для нее не хватало, и его решили пополнить за счет сбо-

ров небольших экспедиций, рассылаемых в разные концы России.

...Май 1877 г., пароход «Русь» плывет по Сухоне и Северной Двине. Путь Николая Юрьевича лежит через Архангельск и Мезень в Канинскую тундру к самоедам (ненцам). По дороге он собирает исторические древности, черепа, этнографические и зоологические коллекции, сведения о курганах и регулярно посылает письма-отчеты в Москву.

Тундра встретила неласково — холодом и тучами комаров, да и результаты научных сборов не удовлетворяли молодого ученого, который пишет, что на п-ове Канин «собрал только 9 черепов и 2 полных скелета, 2 идола из оленьих голов, чум, некоторые хозяйственные принадлежности, смерял более 50 человек, подвергнулся нападению и трехдневному плену самоедов»⁴. В последнем

⁴ Зограф Н. Ю. Поездка к самоедам. М., 1877. С. 8.

Николай Юрьевич Зограф

случае пришлось пригрозить револьвером. Временами даже трагические ноты звучат в дневнике путешественника: «Был один день, когда я так упал духом, что стал мечтать о скорой смерти. Благодаря русскому промышленнику Степану Шипихину... я был освобожден»⁵. На обратном пути ему, покинутому коварными спутниками, пришлось идти без всяких запасов около 50 верст по дикому морскому побережью. Несмотря на гибель части коллекций, ему довелось впервые собрать точные антропологические данные об исследуемом им северном народе⁶, первому посетить Канинский хребет и дойти сухой почти «до самого носа».

Полученные впечатления не исчерпывались, конечно, только мытарствами и лишениями. Николай Юрьевич впоследствии с большой симпатией отзывался о самоедах, народе «не лишённом способностей, великодушия и доброты», но быстро вымирающем под влиянием спаивания и кабалы у винных торговцев. За их исследование Зографу была присуждена серебряная медаль Географического общества.

В 1878 г. он отправляется в Пермскую губернию, в «страну мешчеряков», где раскапывает курганы, проводит антропологические измерения и собирает предметы этнографии. Всего за сравнительно короткое время было раскопано 78 курганов, из них два очень больших⁷.

Все эти материалы вошли в экспозицию антропологической выставки 1879 г., вызвавшей большой общественный интерес. Группа самоедов в этнографическом отделе была признана одной из лучших.

Николай Юрьевич не оставлял занятий антропологией до конца 90-х годов и выпустил ряд трудов, из которых наиболее значительный «Антропометрические исследования мужского великорусского населения

Владимирской, Ярославской и Костромской губерний»⁸.

Но занятия зоологией также продолжались. В 80-х годах он выпускает обширные и прекрасно иллюстрированные труды по анатомии и эмбриологии многоножек⁹. По существу, содержание их далеко выходило за пределы скромных названий и в конечном итоге способствовало выяснению положения данной группы членистоногих в системе животного царства. До сих пор данные этих работ — одни из основных в соответствующих разделах руководств по зоологии и эмбриологии. Исследования по зоологии беспозвоночных интенсивно велись Зографом и в дальнейшем, но объектами большей частью служили уже водные организмы, особенно ракообразные — бранхиоподы.

Но как зоолога с широкими интересами его занимали и другие объекты. В частности, степень доктора зоологии была ему присуждена за работу «Материалы к познанию организации стерляди» (1887), где рассматривались сравнительные материалы и по другим осетровым¹⁰.

К этому времени Николай Юрьевич уже ряд лет возглавлял Отдел ихтиологии Русского общества акклиматизации животных и растений. Это общество возникло в 1856 г. (первоначально как Комитет акклиматизации при Московском обществе сельского хозяйства) по инициативе К. Ф. Рулье и А. П. Богданова, которые, в свою очередь, позаимствовали идею у французского зоолога И. Сент-Илера. Оно ставило перед собой следующие задачи: разведение полезных пород рыб, моллюсков и пр., одомашнивание диких животных, перемещение их для акклиматизации в новые подходящие места, охрана животных от истребления. Организация была чисто общественной, объединявшей как специалистов-биологов, так и любителей, и активно служившей делу просвещения и внедрения практиче-

ских новшеств¹¹. Одним из заметных результатов его деятельности стала организация в 1864 г. московского зоологического сада. Для приобщения широкой публики к своим идеям Общество периодически проводило большие акклиматизационные выставки.

Активное участие Зографа в работе общества свидетельствует о том значении, которое он придавал «жизненному приложению» своих научных знаний. И в этом он опять же был единственным со своим учителем Богдановым, писавшим: «Русские зоологи не могут быть глухими к нуждам прикладной зоологии. Они получат название белоручек, если уклонятся от положительного решения зоотехнических вопросов, могущих поднять благосостояние народа»¹².

Летом 1885 г. при поддержке Общества Зограф закомитится с рядом научных учреждений Европы. Его интересует буквально все — от экспозиций музеев и последних достижений рыбоводных станций до материальной обеспеченности лабораторий, устройства микроскопов, шкафов и рабочих столов. Но, конечно, самое интересное и дорогое — астрочи и беседы с учеными знаменитостями — А. Дорном, А. Вейсманом, А. Катрфажем и Э. Перрье, П. ван Бенеденом, Р. Гертвигом. Вот отрывки из его записей, передающие впечатление от посещения Неаполитанской зоологической станции и Фрейбурга: «Что на станции действительно дорого и приятно, это дружественное отношение между работающими... Постоянная передача друг другу новых сведений, демонстрирование препаратов, самые живые споры — все это вместе так оживляет работающего, так подстрекает его и возбуждает, что на станции Дорна, положительно, работает лучше, чем где-либо... Общее впечатление от Фрейбургского университета очень приятное, жизнь, деятельность, несмотря на бедность лаборатории, видна во всем, Вейсман, несмотря на уже почтенный воз-

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Зограф Н. Ю. Антропологический очерк самоедов. М., 1878.

⁷ Зограф Н. Ю. Поездка в Зауральскую часть Пермской губернии и страну мешчеряков. М., 1878.

⁸ Изв. Имп. Об-ва любителей естествозн., антропол. и этнографии (ИОЛЕАиЭ). 1892. Т. 76.

⁹ Там же. 1880. Т. 32; 1883. Т. 43.

¹⁰ Там же. 1887. Т. 52.

¹¹ Подробнее см.: Райков Б. Е. Указ. соч. Т. 3. М., 1955.

¹² Цит. по: Райков Б. Е. Указ. соч., Т. 4. С. 316.

В кругу семьи: с женой Зинаидой Зиграфовной и детьми. 1890-е годы.

раст, увлекается и живет наукою»¹³.

Во время этой поездки он знакомится с морской «летучей» (передвижной) зоологической станцией в Дельфзейле в Голландии, и, вероятно, именно полученные здесь впечатления послужили решительным толчком к развитию и осуществлению его планов устройства биологических станций у себя на родине. «Надо будет употребить все усилия для того, чтобы основать такую же в России», — писал он¹⁴.

И действительно, вскоре

после упомянутого в начале заседания Отдела ихтиологии в феврале 1888 г. под его началом образуется специальная комиссия по исследованию вод Московской губернии, и летом того же года летучая станция на Косинских озерах уже приступает к работе, а в 1891 г. основана первая постоянная в России гидробиологическая станция на оз. Глубоком¹⁵.

В это и последующее время на заседаниях Отдела ихтиологии активно обсуждалась проблема неудовлетворительного состояния внутренних вод страны, их обмеления и загрязнения, недостаточного их использования для рыбоводства. Много места эти вопросы за-

нимали и в сочинениях Зографа. По его мысли, гидробиологические станции могут и должны существенно исправить сложившееся положение. Действительно, оз. Глубокое заселили ситами, большое место в работе биостанции заняло обследование деревенских и других прудов с целью улучшить их санитарно-гигиеническое состояние и использовать для разведения ценных пород рыб. Удалось восстановить численность ряпушки в Плещеевом озере, исследовать случаи промышленного отравления других водоемов, в 1904 г. была проведена рыбохозяйственная ихтиологическая экспедиция в северо-западный край.

«Недостаток рыбной пищи у населения средней России, «Таковы ли наши русские воды, какими им быть должно?», «Питательная пища, доступная небогатому человеку» — такие на-

¹³ Изв. ИОЛЕАиЭ. 1887. Т. 51 (прилож. 1). С. 13, 20.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ Подробнее см.: Коровчинский Н. М. Глубокое озеро // Природа. 1986. № 10. С. 57—69.

звания часто встречаются среди работ Николая Юрьевича начала века. Но при деятельном характере он не ограничивался только публицистикой, но и наглядно пропагандировал свои мысли: в пруду своего имения организовал образцовое рыбное хозяйство, а иногда после популярной лекции в Политехническом музее угощал всех разнообразными рыбными блюдами, предлагая убедиться, насколько такая пища вкусна, питательна и дешева.

Как учебного его занимала, конечно, не только прикладная тематика. В первом же томе «Трудов гидробиологической станции на Глубоком озере» он разъясняет, что последняя только выигрывает, если ведется наряду с работами более общего характера. Знания о водоеме должны быть всесторонними, большое значение имеет сравнительное изучение разных их типов. Его «Опыт объяснения происхождения фауны озер Европейской России»¹⁶ — одна из первых попыток обобщить накопленные данные по фауне наших пресных вод.

Помимо научной и научно-организационной работы Зограф много времени отдавал преподавательской деятельности, которая стала одной из основных, после того как в 1884 г. он стал приват-доцентом. Уже через четыре года он сверхштатный экстраординарный профессор зоологии Московского университета, а с 1904 г. заведует кафедрой зоологии. Большею частью он читает курсы зоологии беспозвоночных и общей зоологии на физико-математическом и медицинском факультетах, пишет ряд учебников по зоологии (издания 1896, 1898, 1900 и 1907—1908 гг.), составленных по оригинальному плану.

Работа и общение со студенческой молодежью были стихией Зографа. Его внука З. Э. Беккер передает такой момент из своих детских воспоминаний: «Мы стоим перед дверью на площадке лестницы у большой зоологической аудитории Зоомузея, и вот дверь от-

крывается, и из нее высыпает оживленная толпа большей частью бородатых студентов, а за ними удивительное зрелище — скамейки амфитеатром до самого неба, и из этого поразительного помещения выходит дед в сюртуке, тоже очень бодрый и оживленный. Видно, что всем весело. Он любил заканчивать лекции каким-либо биологическим анекдотом».

Небольшое имение Мытники в Рузском уезде было приобретено Зографом в конце 80-х годов с основной целью — организовать летнюю научную работу для себя и своих учеников на природе. Молодежь постоянно приезжала туда и после организации биостанции на оз. Глубоком — поконсультироваться со своим наставником, отдохнуть в кругу большой и гостеприимной семьи Николая Юрьевича, да и подкормиться, так как бытовые условия на озере были более чем скромными. Обмен гостями между станцией и Мытниками был очень интенсивным, для чего кроме обычного тарантаса запрягалась более поместительная линейка. В свою очередь и Зограф часто бывал на биостанции. В 1901 г. при университете образовался студенческий кружок для изучения русской природы и Николай Юрьевич стал его председателем.

В его профессорской квартире при Политехническом музее часто устраивался веселый бедлам, который «организовывали» его бойкие отпрыски вместе с молодежью кафедры. Они устраивали маскарады, постановки модных тогда шарад и «капустников» (под названием «Зоологическое кабаре»), составляли рукописные юмористические журналы.

Способность привлекать и заражать молодежь своими идеями была свойственна Николаю Юрьевичу в высшей степени. В 1885 г. он ввел в Московском университете курс гистологии, а в 1911 г. организовал при своей кафедре лабораторию гистологии, которая через два года получила статус самостоятельной кафедры, руководимой учеником Зографа Н. В. Богоявленским. В начале века В. П. Зыков (первый заведующий Волжской биологиче-

ской станцией, организованной в 1900 г. в Саратове) начал читать университетский курс лимнологии, а Н. В. Воронков — курс гидробиологии с постоянными занятиями на Глубоком озере. Близкие к Зографу Г. А. Кожевников и С. Н. Скадовский создали лимнологическую станцию в Косине (1908 г.) и лабораторию гидрофизиологии на р. Москве под Звенигородом (1910 г.), а С. А. Зернов — кафедры гидробиологии в Московском университете и Петровской сельскохозяйственной академии. Д. П. Филатов, еще студентом работая на Глубоком озере, занялся новым направлением — экспериментальной эмбриологией, а в 1912 г. на кафедре зоологии был введен курс экспериментальной зоологии, и в 1940 г. учреждена кафедра эмбриологии¹⁷. Воспоминания С. С. Четверикова сохранили яркие свидетельства роли Н. Ю. Зографа и В. П. Зыкова в становлении его как биолога¹⁸. Можно было бы продолжить анализ его заслуг в развитии отечественной биологии, но и перечисленного, наверное, достаточно, чтобы считать его большим новатором и организатором науки.

Предприимчивость, тягу к созиданию он, вероятно, унаследовал от своего отца. Однако в молодости эти стремления не могли найти достаточного выхода, так как семья была разорена, и ему приходилось в гимназические и студенческие годы зарабатывать уроками. Но впоследствии упрочение материального положения, приобретение собственного имения позволили широко развернуться его энергичной деятельности.

Стройка в Мытниках шла почти постоянно: был поднят из бывших чуть ли не с наполеоновских времен развалин дом и все службы. По воспоминаниям З. Э. Беккер, все в дедовом имении было так удобно и уютно, даже пианино и кабинет для занятий с микроскопом, печка с керамическими плитками, разрисованными одуванчиками, ко-

¹⁷ См. также: Матеекин П. В. // Вести. МГУ. Сер. биол. 1979. № 4. С. 3—29.

¹⁸ Четвериков С. С. Воспоминания // Природа. 1980. № 11. С. 88—94.

¹⁶ Изв. Имп. Академии наук. 1895. Т. 3. № 2.

В имении Мытники с учениками и членами семьи. 1911 г.

торые смогли изобразить бабушка и мама.

Ясно видится это время: небольшой парк с липовыми аллеями, выходящий к р. Озерне, большой овальный цветник перед домом с куртинами многолетников — пионов, оранжевых лилий в сочетании с голубым шпорником и пестрых флоксов, цветущих одни за другими все месяцы лета, огромный куст белой сирени у флигеля, а по дорожкам сада бодрый и жизнерадостный идет дед в легком чесуновом костюме и английского покроя летней шляпе из луфы с неизменной толстой палочкой с ручкой в виде бильярдного шара. Летом в Мытниках кипела беззаботная, веселая дачная жизнь, единственный кто работал, — это хозяин, писавший учебники, переводивший, занимавшийся микроскопическими исследованиями.

Николай Юрьевич оставил о себе добрую память в Русском

крае. Причина этого отнюдь не только в известности его как деятеля науки, но и в неизменной общительности и демократичности его натуры. Без сомнения, столь быстрая организация и оборудование биостанции на оз. Глубоком всем необходимым произошли благодаря местным дружеским и деловым связям ее основателя.

Одной из особенностей характера Зографа была страсть к путешествиям, и он путешествовал часто и длительно, к тому же нередко со всей семьей. Уже упоминались его ранние поездки. Последующие турне также обычно включали по несколько стран, а затем длительное проживание вблизи какой-либо биологической станции: в Неаполе, Виллафранке или Сен-Васте (Франция). Сохранилось живое описание его посещения глухой в те времена французской провинции Бретани для ознакомления с кельтскими дольменами¹⁹.

Семья Зографов была очень музыкальна. Сам Николай

¹⁹ Зограф Н. Ю. В стране друидов. М., 1888.

Юрьевич играл на нескольких музыкальных инструментах и зимой часто организовывал у себя дома квартеты, квинтеты, секстеты и даже септеты, где играл на альте или вторую скрипку, а первой скрипкой бывал профессор консерватории Г. Н. Дулов, на рояле играла его мать, любимая сестра хозяина, также профессор консерватории А. Ю. Зограф-Дулова. Другая его сестра В. Ю. Зограф-Плаксина и ее муж известны как основатели музыкальной школы в Москве (теперь Центральной музыкальной школы при консерватории).

Описание жизни и деятельности Зографа осталось бы далеко не полным без упоминания о его общественно-просветительской деятельности, которой он отдавал много сил и времени. Именно на этом поприще, очевидно, наилучшим образом соединились его стремление к научным изысканиям и художественные способности.

Сразу же после постройки здания для Политехнического музея на Лубянской площади и размещения в нем коллекций (1877 г.) там каждое воскре-

Николай Юрьевич Зограф

сенье стали устраивать экскурсии для посетителей²⁰. В отделе зоологии их проводили в основном ученики Богданова, среди которых особым усердием отличались Зограф и А. А. Тихомиров. В опубликованной серии выпусков «Из воскресных объяснений при Московском Политехническом музее» за 1879—1880 г. значится немало выступлений Зографа: «Объяснение коллекций и изделий из губок и кораллов», «Польза и вред хищных животных», «Объяснение коллекции по китоловным промыслам», «Краски, добываемые из животных» и др. Уже в этих ранних небольших лекциях видно стремление молодого ученого показать необходимость охраны животного мира.

Современники так описывают обстановку в Политехническом музее: «Вы встретите здесь толпу самую пеструю, какую, по старой привычке, могли бы себе представить где угодно, но уж никак не в аудитории... После закрытия базара на Лубянке простонародная толпа прямо с площади устремлялась в двери музея и наполняла аудиторию. И какая толпа — в чуйках, в поддевках, в платочках! Вероятно, большинство этих людей в первый раз слушали научное слово. И ведь как слушали, как интересовались!»²¹

И впоследствии, уже будучи профессором, Зограф не оставил просветительство. Можно, например, отметить его антрополого-этнографические этюды «Русские народы. наброски пером и карандашом» (1894), но особенно замечательны очерки «Животные-художники» (1910), частично опубликованные еще в 1890 г. под названием «Музыка природы» в большом ежемесячном журнале «Русское обозрение». Вот названия некоторых из них: «Музыка водных обитателей», «Музыка насекомых», «Танцы зверей и птиц», «Как животные украшают свои жилища». Чего только нет в этих небольших, но содержательных и высокохудожественных рассказах: и собственные натура-

листические наблюдения, и новейшие для того времени данные по зоопсихологии, и разбор строения органов звучания насекомых, переложения звуков природы на ноты, стихотворные авторские переводы из Анакреона, Аристофана и др. Современному читателю многое в этой книге может показаться нелепым, но в ней непреходяще ценна основная мысль, что познание природы, прекрасных творений окружающего мира возможно не только и даже, быть может, не столько на путях рационально-рассудочного анализа, сколько благодаря духовному просветлению, благоговению и восторгу: «Я стал прислушиваться к природе, к ее песням и симфониям... я стал стремиться к недостижимому, к ее полному пониманию. Я стал завидовать и святому Франциску, говорившему с птицами, и подруге зверей и птиц, святой, вещей и мудрой княгине Февронии... И хотя анализ побуждает нас к тому, чтобы разъяснить все те звуки, которые раздаются в природе, путем холодного, научного рассуждения, хотя он учит тому, что для одухотворения природы нет места, он не заглушает поэтического отношения к природе, не заставляет отказаться от убеждения, что праматерь-природа полна чудес и сама является чудом»²². Читая страницы «Животных-художников», приходишь к мысли, что именно здесь в наибольшей мере удалось самовыразиться автору как цельной натуре: ученому, натуралисту, педагогу, музыканта и просветителя.

В деятельности Зографа многое может показаться непоследовательным. В частности, какая логическая связь может объединять занятия столь разными науками? Но тогда не существовало свойственных современной узкой специализации разрывов между, например, зоологией, ихтиологией и антропологией. Все они воспринимались как единое описание строения и развития живых организмов. Вторым объединяющим началом был постоянный интерес Зографа к проблемам эво-

люции, приспособления животных к окружающей среде, связанный в значительной мере с темой акклиматизации. Отдавая наибольшее предпочтение теории Ч. Дарвина, он вместе с тем был далек от мысли догматизировать ее (что, кстати, было весьма свойственно образованным людям его времени) и с напряженным интересом следил за всем новым в сфере эволюционных идей²³. На рубеже веков это были, прежде всего, проблемы наследственности, в решении которых чрезвычайно велики заслуги А. Вейсмана, Г. де Фриза, Т. Моргана. Книга последнего «Экспериментальная зоология» была переведена Зографом на русский язык и издана с его предисловием в 1909 г. (всего через два года после оригинального издания).

И, наконец, можно утверждать, что одним из главных стремлений, определявших и интегрировавших деятельность Николая Юрьевича, был многосторонний интерес к человеку. Немаловажную роль при этом играли, очевидно, социальные мотивы, желание средствами науки и просвещения способствовать улучшению жизни народа и развитию производительных сил, благосостоянию отечества. Здесь и своеобразное проявление духа народничества, захватившего, особенно во второй половине XIX в., многих представителей русской интеллигенции. Сохранились данные о непосредственной активной работе его на общественном поприще как гласного Московского губернского земского собрания.

Многое было воспринято Зографом от своего учителя Богданова, преемником и непосредственным продолжателем дела которого в Московском университете он и был. Как и Богданов, разносторонний по интересам и активный в сфере организации науки, преподавания и просвещения, Николай Юрьевич превзошел его как зоолог-исследователь, неутомимо ведущий самостоятельные

²⁰ См.: Райков Б. Е. Указ. соч. т. 4. С. 392—397.

²¹ Там же. С. 394.

²² Зограф Н. Ю. Животные-художники. М., 1910. С. 2—3.

²³ См., например: Зограф Н. Ю. Новейшие течения в зоологии, замечающиеся в новом XX веке. М., 1909.

изыскания. Заслуги его в развитии зоологии были отмечены избранием в 1910 г. почетным президентом Зоологического общества Франции.

Но все же главным делом в жизни Зографа, как и его учителя, была не научно-исследовательская работа, а воспитание большого коллектива талантливых учеников и последователей. Характерно, что, ощутив перспективность направления, он, не скупясь, передавал его другим для более глубокого освоения. Атмосфера поиска, страстного интереса ко всему новому, радости открытия, которая создавалась вокруг Николая Юрьевича, по-южному темпераментного и общительного, наилучшим образом способствовала формированию натур исследователей, открывателей. И к нему, очевидно, в полной мере мож-

но приложить слова, сказанные когда-то о Богданове, которому «не раз предлагали занять высокие посты, но он всегда отказывался и отвечал, что не знает более высокого поста, как пост профессора, формирующего будущие поколения и в этом звании и хотел быть окончить свою жизнь»²⁴.

Тесная связь Николая Юрьевича со своим учителем имела, к сожалению, и другой результат. Ему по «наследству» досталась неприязнь либеральной интеллигенции, крайне нетерпимо относившейся к инакомыслящим²⁵. Это же, несо-

мненно, послужило причиной нарочитого замалчивания заслуг этих крупных ученых и последующего забвения их имен потомками.

Много воды утекло с поры описанных событий, сменились эпохи. Уже не осталось никого из лично помнивших Н. Ю. Зографа, не сохранилась и могила его в уничтоженном Страстном монастыре, исчезли Мытники, разграбленные и сожженные в смутное время революции. Но есть биофак Московского университета и Зоологический музей, гидробиологическая станция на оз. Глубоком, множество книг, статей, очерков, рукописи теплых воспоминаний — все, в чем воплотилась создающая энергия его личности, что незримо, но прочно связывает времена и служит земным залогом бессмертия души человека.

²⁴ См.: Райков Б. Е. Указ. соч. Т. 4.

²⁵ Там же. С. 453. См. также: Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1988. С. 162.

Над номером работали
Заместитель ответственного
секретаря
О. В. ВОЛОШИНА

Научные редакторы:
И. Н. АРУТЮНЯН
О. О. АСТАХОВА
Л. П. БЕЛЯНОВА
М. Ю. ЗУБРЕВА
Г. В. КОРОТКЕВИЧ
Л. Д. МАЙОРОВА
Н. Д. МОРОЗОВА
Е. М. ПУШКИНА
Н. В. УСПЕНСКАЯ

Литературный редактор
Г. В. ЧУБА

Художественные редакторы:
Л. М. БОЯРСКАЯ, Д. И. СКЛЯР

Заведующая редакцией
С. С. ПЕРЕПЕЛКИНА

Корректоры:
Р. С. ШАЙМАРДАНОВА
Т. Е. ДЖАЛАЛЯНЦ

В художественном оформлении
номера принимали участие
Б. А. КУВШИНОВ
В. С. КРЫЛОВА
И. А. СТРОГАНОВ
Е. К. ТЕНЧУРИНА
Ю. В. ТИМОФЕЕВ

Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Наука»

Адрес редакции:
117810, Москва, ГСП-1,
Мароновский пер., 26
Тел. 238-24-56, 238-26-33

Сдано в набор 6.05.91.
Подписано в печать 20.06.91.
Формат 70×100 1/16
Бумага офсетная, № 1
Офсетная печать
Усл. печ. л. 10,32
Усл. кр.-отт. 1112,3 тыс.
Уч.-изд. л. 15,1
Тираж 41 550 экз.
Зак. 755
Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский полиграфический
комбинат
Государственного комитета СССР
по печати
142300, г. Чехов
Московской области